

Дина с удовольствием болтала всю дорогу обратно в богатые районы, которые называла своим домом, пытаясь выложить ему все подробности и сплетни, связанные со школьным спектаклем, который она с нетерпением ждала. Сопроводить девочку на машине, даже если она настаивала на том, чтобы пройти последний квартал пешком, оказалось проще, нужно были всего лишь убедить её в том, что это безопаснее. К тому же Они Ли тщательно проверил водителей, отобранных для этого задания, и проинструктировал их, чтобы они никогда не ездили по одному и тому же маршруту два раза подряд, а также приставил к дому Олкоттов несколько наблюдателей, чтобы те следили за подозрительной активностью. Может, злодей Выверт и был арестован, но самоуспокоенность была основой провала. Рано или поздно кто-то придет за силой девочки; такова реальность мира кейпов. Они Ли будут готов к встрече с ними.

Дина продолжала говорить, не обращая внимания на мысли демона, сидящего рядом с ней. Даже если бы он смог вставить хоть слово, вряд ли ему это удалось бы. Возможно, это и понятно, она, казалось, была счастлива делиться своими мыслями, когда они приходили к ней, а не отвечать на вопросы. Если ей требовалось, чтобы кто-то слушал её, а также следил за “ножами” в темноте, что ж, Они Ли мог это сделать. Для него это не было непосильной задачей.

Хотя присутствие Дины, её внимание и бесконечные разговоры иногда заставляли мысли Они Ли уплывать в бескрайнее дали. Он задавался вопросом: была ли Къёко такой же, как Дина, — яркой и живой личностью? Или же она была более сдержанной, более умиротворенной книгами и тихими размышлениями, как Мико? Возможно, временами она была и той, и другой. Или ни той, ни другой.

Иногда, даже можно сказать редко, его мысли уносились дальше: каким был он сам? По правде говоря, Они Ли не думал, что когда-нибудь узнает. Того человека, кем бы он ни был, больше нет. Сейчас Они Ли должен был действовать, ценить, жить и, в конце концов, умереть и оставить воспоминания о том себе, кем он есть сейчас. Но, может быть, воспоминания, которые Къёко оставила “тому” человеку, ещё можно отыскать: через наблюдение за тенью девочки с лентой в волосах, через прикосновение её маленькой руки к его руке, когда он провожал её домой. Поэтому он будет наблюдать, ждать и охранять. Даже если на это уйдут годы, он будет ждать.

Неважно, кем он был когда-то, Они Ли был терпеливым человеком.

Дина поднялась по коротким ступенькам к своей входной двери, постучала дважды, как делала это каждый день, и миссис Олкотт открыла, её поза была напряженной, а выражение лица — жестким. Как и каждый день, Дина усмехнулась и сказала: — Привет, мама! Я заблудилась, и мистер Они Ли привел меня домой. Можно он останется на ужин?

Рутина была нарушена, когда миссис Олкотт медленно выдохнула, вместо того чтобы схватиться за другую руку Дины. — Да, Дина. Он может остаться на ужин. Иди умойся, сейчас же!

Глаза Дины расширились, и за маской Они Ли сделал то же самое. Девочка издала взволнованное “ух!” и, обогнув мать, побежала в дом. Они Ли остался на крыльце и наблюдал за миссис Олкотт. Женщина заметно напряглась, прежде чем заговорить. — Ты собираешься устроить неприятности?

— Нет. Я не стану оскорблять ваше гостеприимство, — правда, эта уверенность зависела от того, насколько добросовестно поступят Олкотты. Хотя, учитывая присутствие их дочери, он очень сомневался, что они совершат какую-нибудь глупость. Кроме того, он был уверен, что

Дина найдет новый способ выйти из “критической” ситуации, если он откажется, и к этому моменту он был уверен, что Олкотты тоже это понимают.

Миссис Олкотт не двинулась с места. — Я не разрешаю использовать оружие за ужином.

Это было... немного тревожно. Не потому, что это уменьшит его способность защищаться, нет, но если оно ему все же понадобится, то потом будет довольно неудобно доставать свое снаряжение. Это была разумная просьба, несмотря на его опасения. — Понял. Есть ли здесь отведенное место, где я могу оставить свое снаряжение?

Женщина кивнула и наконец отошла в сторону, давая ему разрешение войти в её дом. Она держалась на несколько шагов впереди него, пока вела в фойе большого дома, а затем жестом указала на низкий столик, поставленный у одной из стен. Они Ли догадался, что именно здесь она хочет его разоружить, и начал снимать с себя различные приспособления, пристегнутые к его груди. Первым был бандольер на груди с четырьмя осколочными и двумя светошумовыми гранатами, затем шесть ножей разных размеров (включая тот, что был спрятан в сапоге) и, наконец, короткий клинок, когда ему наконец-то удалось отцепить его от пояса. Одзиме в основном было просто снять, но шнур с бусинами был подарен Ками несколько месяцев назад, так что он был с ним максимально осторожен.

Одобрив его поступок, миссис Олкотт поджала губы и произнесла: — Столовая находится вон там. Пожалуйста, садитесь, я собираюсь позвать мужа и Дину...

Преждевременно вызванная звуком своего имени, Дина помчалась вниз по лестнице, теперь уже без рюкзака и, надо полагать, с чистыми руками. Она молнией пересекла фойе и направилась к широкому арочному проему, который, как указала миссис Олкотт, был входом в столовую. Вместо того чтобы войти, она остановилась на пороге, и Они Ли почувствовал, как по его позвоночнику начинает ползти тревога. Девочка нахмурилась, решительно поджала губы, как и её мать, затем повернулась и пошла к тому месту, где всё ещё стояли миссис Олкотт и Они Ли. Девочка взяла его за запястье и потянула. — Пойдемте, мистер Они Ли. Вы можете сесть рядом со мной.

Она удержала его запястье и пошла обратно в столовую, причем её шаги были достаточно быстрыми, чтобы Они Ли был вынужден следовать позади, а не рядом. Когда они вошли в зал и Они Ли увидел море “белых кейпов”, разложенных вокруг длинного обеденного стола, он понял сразу несколько вещей:

Во-первых, что Олкотты действительно были достаточно глупы, чтобы пригласить на это дело всю “Новую волну” и при этом попросить его не создавать проблем;

Во-вторых, если сила Дины действовала так, как он думал, то девочка считала, что риск, связанный с этим, не превышает допустимых пределов;

В-третьих, что наблюдатели, которых он выставил, либо захвачены, либо не справляются со своей работой. Для их блага лучше, чтобы это было первое, потому что если второе, то Они Ли собирался лично выразить свое разочарование в них. После этого он милостиво позволит им принести извинения Лунгу.

При условии, что он переживет ужин, конечно.

/-/

Просчитанный риск — это не та динамика, которую Они Ли привык учитывать. При

уничтожении одного из своих клонов он ничего не терял, так что для его собственного блага это, по крайней мере, не было поводом для беспокойства. Но сейчас? Сейчас любой возможный шаг имел последствия, причем долгосрочные, и от “грандиозности” стоящей перед ним задачи Они Ли оцепенел от нерешительности. Если он сбежит сейчас, что это будет означать для Дины? Если он останется и подвергнется нападению, успеют ли кейпы Новой волны защитить её? У них был член команды, специализирующийся на защитных полях и носящий имя Shielder, который в данный момент сидел рядом с медиком команды; разумный тактический выбор — разместить защитного кейпа рядом с самым слабым звеном. Кроме того, если начнется драка, будет ли его телепортация быстрее, чем совокупность средств уничтожения, которыми располагала “Новая волна”? В таких тесных помещениях он сомневался в этом.

Вариантов было несколько, и ни один из них не был хорошим. И ни один из них не был привычен. Что было самым близким эквивалентом этой ситуации, что он мог бы имитировать нужное поведение? В недавней памяти был только один ответ:

Время чая - время вежливости. Этот стол не был накрыт для чая, но он был достаточно близок к этому. Они Ли сел туда, куда указала Дина, затем — под пристальными взглядами восьми костюмированных супергероев — потянулся к ремням, удерживающим его маску, и расстегнул их. Не найдя лучшего места, Они Ли отложил маску демона на спинку стула и обернулся, чтобы встретиться с множеством поднятых бровей и подозрительных выражений. Одна из самых молодых героинь “Новой волны”, девушка с лазерами, недоверчиво спросила. — Ты просто снимешь её?

— Здесь больше никто не носит масок. Было бы невежливо отказаться сделать то же самое, — ответил он через мгновение.

— И ты не беспокоишься о том, что потеряешь свою тайную личность?

Тайну личности? Они Ли чуть не рассмеялся. В ответ он спросил: — “Новая волна” сотрудничает с Протекторатом. Есть ли у вас какие-нибудь записи обо мне? Знаете ли вы мое имя?

Лицо леди Фотон казалось в этот момент окаменело, Они Ли не имел ни малейшего понятия что это значило. — Нет, — раздался приглушённый ответ.

—...Очень жаль, — ответил он через мгновение. — Я тоже не знаю.

Разговор сошел на нет, когда подали еду: Олкотты наняли на вечер поставщика блюд, который очень быстро ушел, как только его задача была выполнена. Мистер Олкотт и его жена остались, хотя и держались скованно и с трудом. Дина была единственной, кто сразу же приступил к еде, отчего отравление казалось менее вероятным. В конце концов все последовали её примеру, хотя вокруг было напряженно. Брандиш, одна из двух матриархов группы героев, первой нарушила тишину.

— Итак, — начала она, её голос был резким, а глаза острыми, — Они Ли. Что заставило тебя вдруг начать преследовать племянницу мэра?

— Наемники, принадлежащие Выверту, попытались похитить Дину из Святилища “Отпечатков Лап”. Я с ними разобрался. Затем я сопроводил ее домой, — он ответил понимая, что “Новая Волна” уже знает об этом. Возможно, вопрос был просто формальностью. — Я проинструктировал... местную “группу 433”, чтобы они ставили её безопасность максимальным приоритетом.

(— Я же говорила, что они за мной охотятся, — пробормотала Дина в сторону родителей.)

(— Дина, тише).

— У тебя есть головорезы, которые следят за ней?! — пульсация гнева сопровождала восклицание Слава. Она выглядела готовой разнести стол в щепки своими кулаками.

— Для её защиты, разумеется.

— Ты серийный убийца, — процедила Брэндиш между зубами. — Что ей нужно, так это защита от тебя.

— У меня нет причин вредить Дине.

— И мы должны... что? Поверить тебе на слово? — один из мужчин насмешливо хмыкнул; эмблема в виде молнии на его костюме помогла идентифицировать его как Maprower. — В последний раз, когда я видел тебя так близко, ты оторвал мне ногу гранатой.

Они Ли задумался, прожевывая. — Я помню ту встречу. Кажется, это было незадолго до того, как твоя Вспышка наполнила окрестности взрывчаткой, — другой супруг “Новой волны” выглядел немного неловко от такого напоминания. Однако анекдот не был правдивым ответом на вопрос, и Они Ли воспользовался затишьем, чтобы попытаться получше организовать свои мысли.

— Подозреваю, что ты не жалеешь о своих методах, а значит, и я не буду жалеть о своих. Я не жду пощады и, как таковой, не могу её предложить. Такова жизнь, которую выбрали кейпы, — Все члены “Новой волны” уставились на него, их лица были наполнены гневом и растерянностью. — Моя сестра не выбирала этого, но за нее это сделали другие. Дина не выбирала этого. Другие пытались выбрать за нее. Я не согласен с их самоуверенностью, поэтому и делаю то что делаю.

/-/

Эмма сидела у своего прикроватного столика — пережиток её юных дней. Она уже давно избавилась от атрибутов невинности, которые когда-то украшали его: разноцветные наклейки, симпатичная закладка, фотографии, на которых она и Тейлор корчат смешные рожицы. Блестки и бижутерию она заменила атласным матовым блеском и накладными ногтями. За последние пару лет Эмма повзрослела. Она по-настоящему поняла, как устроен мир.

София объяснила ей это в том переулке, где каждая тень была таящимся напоминанием о том, что её “ребячество” было вырезано ножом. Она сказала, что в мире есть только два типа людей: те, кто сражается, и те, кто сдается. Победители и проигравшие. Сильные люди и слабые люди. Хищники и жертвы. В конце концов, это был мир животных. Если кто-то был сильнее тебя, он наступал на тебя, чтобы вырваться вперед, без лишних вопросов. На Эмму напали, потому что она выглядела слабой, но она выжила, потому что была сильной. Она была готова дать отпор, даже не надеясь на реальную победу.

Эмма была готова сражаться. Готова была опустить любого, кого только могла, чтобы подняться чуть выше. Так уж устроен мир; если она не воспользуется чужой слабостью, это сделает кто-то другой. А если она не могла опустить кого-то, то нужно было не показывать эту слабость, потому что с ней поступили бы так же в мгновение ока. Иными словами, притворяйся, пока не добьешься своего.

Все прошло не совсем так, как планировалось. Совсем не так.

Это должен был быть чистый разрыв, её и Тейлор. Эмма решила покончить с их дружбой, чтобы сохранить Софию, свою спасительницу; словно обряд посвящения, она оставила свое детство позади. Вот только Тейлор не хотела уходить, не позволяла отбросить в сторону годы сестринской дружбы, не хотела смириться с тем, что Эмма больше не нуждается в ней. Она испробовала все, чтобы разорвать эту связь, и даже когда они с Софией всерьез взялись за дело, Тейлор не стала упираться и давать Эмме оправдания, в которых она нуждалась. Она должна была выиграть, но для этого нужно было, чтобы кто-то другой проиграл, а Тейлор вообще отказывалась играть.

Это должен был быть прочный альянс, она и София. Она справлялась с физическими испытаниями, Эмма — с социальными. Они прикрывали друг другу спины, чтобы никто не мог их завалить. Вот только Эмма не справилась со своей ролью, она не смогла защитить Софию от вопросов и расследований. А как только Софию забрали, Эмма осталась без силы, способной подкрепить свои заявления. Тщательно возвращаемые круги и “клики дружбы”, и влияния в школе распадались и преображались без нее в них. Она должна была контролировать ситуацию, но “правило страха” исчезло, как только исчезала угроза.

Это должно было стать новым началом, её и Карен. Она должна была доказать, что от нее не отмахнутся, что она не на дне, потому что под её каблуком будут другие. Эмма ухватилась за шанс искупить свою вину, использовать навыки, которыми, как она клялась, обладала, чтобы манипулировать и вымогать, и подняться достаточно высоко, чтобы не выглядеть легкой мишенью. Сделать себя достаточно крутой, чтобы не жить в вечном страхе. Она должна была быть той, кто дергает за ниточки... И вот, чем это закончилось...

Эмма провалилась абсолютно на каждом шагу. Карен ясно дала это понять. Она должна была защитить себя, а она не смогла. Она должна была устоять на ногах, но она не могла. А раз она была беспомощна, то должна была быть поглощена.

Юта должен был бросить её. Но он не бросил.

Эмма смотрела на свое зеркало, в раме которого не было ни фотографий, ни закладок, ни стикеров, и думала о том, что все должно было выглядеть не так. Все было не так, как должно было быть. Итак, что же теперь должна была делать Эмма — и что она собиралась делать?

<http://tl.rulate.ru/book/104397/4275904>